Три эпохи — три социологии

Осипов Г. В., Староверов В. И. Село Копанка в измерении трех эпох. Исследовательский проект Г. В. Осипова, В. И. Староверова. М.: Вече, 2014. — 544 с. — (Вехи отечественной социологии). ISBN 978-5-4444-1804-8

В. В. Бабашкин

Владимир Валентинович Бабашкин, доктор исторических наук, профессор кафедры политико-правовых дисциплин и социальных коммуникаций Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-131-139

Говорят, что с тех пор, как О. Конт подарил слово «социология» мыслителям-гуманитариям, со стороны последних имело место не менее сотни сильных попыток объяснить себе и окружающим, что это за штука такая. Похоже на правду. А если под трехзначным числительным подразумевать «очень много», то получается истинная правда. Я думаю, что число этих попыток приблизительно соответствует числу людей, которые профессионально балуются анализом и синтезом в области обществоведения и предпочитают называть себя именно социологами, а не экономистами, политологами, культурологами и т. д. Так, своя социология была у К. Маркса, который, увидев, сколько вокруг стало появляться марксистов, решил, что сам он таки не марксист. Своя была у В. И. Ленина, который, если верить такому социологу, как Т. Шанин, вносил в нее весьма существенные коррективы не менее чем четыре с половиной раза[1]. Своя социология на сегодняшний день и у самого Шанина, который однажды на вопрос коллег, уж не марксист ли он, ответил, что он — «теодоро-шанинист», однако надеется «до конца жизни успеть скорректировать свои взгляды еще раз семнадцать»[2].

Сколько же социологий вольготно расположилось на страницах коллективной монографии о молдавском селе Копанка? Три — это, конечно, минимум-миниморум. На самом деле больше. Но три —

1. *Шанин Т.* (1999). Четыре с половиной аграрных программы Ленина: крестьяне, интерпретаторы Маркса, русская революция // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. М.
2. Современные концепции аграрного развития (1993). Теоретический семинар // Отечественная история. № 2. С. 25.

хорошее число, и чтобы не усложнять анализ текстов, вошедших в опубликованную монографию, остановимся хотя бы на трех. *Во-первых*, это исследовательская школа румынского социолога-аграрника Димитрие Густи. Добротная аналитическая статья об этом интересном явлении в мировом крестьяноведении расположена на с. 92–108 рецензируемого научного издания, и я бы рекомендовал коллегам прочитать ее. Она добавляет к нашему знанию об истории зарубежного крестьяноведения как о работах Фей Сяодуна, Ф. Знанецкого, Р. Редфилда, Э. Вульфа, А. Мандра, Дж. Скотта, Т. Шанина знание о том, что важное место в этом смысловом ряду принадлежит Д. Густи и его сотрудникам-единомышленникам, представлявшим разные дисциплинарные направления в обществоведении. Особенностью их исследований была *монографичность* в смысле единства объекта исследований. Таковым считалась деревня, поскольку в молдавско-румынском контексте было куда как понятно: это и есть суть национального социума. И в рамках каждого исследования какой-то конкретной деревни эти социологи под руководством Д. Густи старались внести свою лепту в достижение наиболее полного представления об изучаемом сельском социуме.

Это несколько иной подход, чем тот, который использовали большинство классиков зарубежных крестьянских исследований (*Peasant Studies*), включая вышеперечисленных. Каждый из них начинал с исследования *своей деревни*, которую постигал год за годом, шаг за шагом, иной раз принципиально изменяя при этом знания в области социологии, прежде усвоенные в университете, и выходя на широкие теоретические обобщения в отношении стран и обществ аграрно-крестьянской цивилизации. Они создавали свои монографии о деревне в обоих смыслах «моно»: одна деревня — один исследователь, которого жизнь заставляет воплощать междисциплинарный подход, ибо иначе крестьянское бытие просто не понять. И в этом случае, и в случае с коллективной монографией конкретного села есть очевидные плюсы. Как мне представляется, для крестьяноведения более органичен универсал-одиночка, поскольку объект его интереса — крестьянин — тоже универсал, хотя и живущий в общине. Просто иначе не выжить, если не умеешь делать множества повседневных дел, из которых состоит деревенское бытие.

В любом случае большому приднестровскому молдавскому селу Копанка повезло стать объектом профессионального интереса коллектива обществоведов под руководством директора Румынского института социологии Д. Густи. До 1918 года село достаточно долго было частью Российской империи, а затем в силу исторических обстоятельств оказалось под суверенитетом короля Румынии. И тут уже нам повезло, поскольку ученые бухарестской школы аграрных исследований в 1934–1937 годах описали в соответствии с канонами своей школы различные стороны бытия Копанки, давая возможность составить представление об этой школе, этой социологии. Приходит в голову странное слово «аддитивность». Я бы никогда

его не употребил, да, собственно, я и не знал его, пока не прочитал рецензируемую книгу о Копанке, где оно употребляется как минимум трижды (с. 5, 9, 428). Заглянул в словарь: есть такое слово, и означает оно (*add — добавлять*) свойство слагаемых влиять на сумму, которая, как нам еще со школы памятно, от их перестановки не меняется, но с удовольствием поменяется, добавь мы еще пару слагаемых. Так вот по итогам коллективного исследования был издан 600-страничный текст на румынском языке, фрагменты которого в русском переводе публикуются в первой части «Села Копанка в измерении трех эпох».

Здесь и сведения о том, как делается мазанка — основной тип жилища в селе; и о демографии и национальном составе сельчан; и очень интересная информация о браках и добрачных отношениях юношей и девушек, в том числе и в межэтническом аспекте; и о том, как обстоит дело со школами, грамотностью, посещением копанчанами библиотеки, их читательскими предпочтениями; и даже о чем-то вроде проявлений обычного права в пику формальным узаконениям. О последнем пишет доктор права, культурные и этнические моменты разбирает сельский учитель и т. д. В сумме получается довольно интересная историческая картинка сельской жизни. Но меня, например, в силу субъективного интереса в первую очередь интересует вопрос о проявлениях общинных отношений в Копанке 1930-х годов. Все, что могу найти в тексте: «Если вступают в супрягу с соседом или родственником, то пашут двумя плугами и двумя парами лошадей. Осенью в супрягу (товарищество), позволяющую сделать вспашку более качественно, не вступают...» и предельно лаконичное объяснение почему (с. 39). С большой натяжкой можно отнести сюда вывод исследователей о более индивидуалистическом характере румын, «который противопоставлен более общительному характеру русских» (с. 32). Хотя это вырвано мною из контекста о межъязыковом общении, но это все же важно в мировоззренческом плане. Ведь чуть более полувека спустя со всей остротой встанет вопрос: Молдова — «це Европа» или все же ближе к России? Вопрос предельно актуален до сих пор.

Возвращаясь к вопросу, сколько же социологий мирно уживаются на страницах книги о Копанке, не могу не съехидничать: очевидно, что у специалиста по мазанкам Г. Настасе — своя социология, у учителя Д. Барбу — своя, у доктора права В. Котиге — своя, а у тех, кто отбирал, какие фрагменты исследования румынских ученых публиковать на русском, какие не стоит, — своя. И меня не оставляет сомнение в том, что нечто очень важное для *моей* социологии осталось на тех 600 страницах, но на русский не переведено. Впрочем, мы договорились, что для ясности картины будем говорить здесь о трех социологиях. Поэтому, отдавая должное румынским исследователям с их «аддитивностью», перейдем к «во-вторых».

А *во-вторых*, это, конечно же, научный коммунизм, который,

как известно, выступал в советский период эволюции российского обществоведения в качестве социально-политической теории марксизма-ленинизма (поэтому, кстати, слова «социология», «политология» были, мягко говоря, неуместны, а жестко говоря, считались выдумками «буржуазных фальсификаторов» общественной науки). В отношении колхозов эти теоретические позиции были сформулированы со всей возможной четкостью и определенностью еще в главе XI Краткого курса истории ВКП(б). Там, к примеру, приводится небольшая цитата из выступления И. В. Сталина на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников в феврале 1933 года, которая удивительно точно отражает главное содержание части II монографии о молдавском селе «Копанка в эпоху послевоенного советского бытия» (с. 109–426). Отметим, что практически в это же время, в 1934 году, коллектив исследователей во главе с Д. Густи приступает к монографическому изучению Копанки.

А цитата такая: «При старом строе крестьяне работали в одиночку, работали старыми дедовскими способами, старыми орудиями труда, работали на помещиков и капиталистов, на кулаков и спекулянтов, работали, живя впроголодь и обогащая других. При новом, колхозном строе крестьяне работают сообща, артельно, работают при помощи новых орудий — тракторов и сельхозмашин, работают на себя и на свои колхозы, живут без капиталистов и помещиков, без кулаков и спекулянтов, работают для того, чтобы изо дня в день улучшать свое материальное и культурное положение»[3]. Спрашивается: могла ли книга «Копанка 25 лет спустя»[4], подготовленная к выходу в самом уважаемом обществоведами государственном издательстве «Наука» в 1965 году, быть написана под другим углом зрения? Нет, конечно. В это же самое время в другом престижном для гуманитариев издательстве «Мысль» лежал уже набранный в типографии текст другой монографии, также созданной коллективом исследователей-аграрников под руководством В. П. Данилова. Это была монография о коллективизации сельского хозяйства в СССР. Но в рамках того текста предполагалась публикация документов, которые плохо вписываются в такую идиллическую картинку (это был результат «оттепели» — потом подобные документы опять засекретили вплоть до начала 1990-х годов). Набор книги был рассыпан[5]. А вместо этого издательство «Мысль» в том же году опубликовало подробнейшую методичку ректора Высшей школы профсоюзов Г. В. Шарапова о том, как надлежит критиковать антикоммунизм по аграрно-

3. История ВКП(б). (1938). Краткий курс. М. С. 213.
4. Копанка 25 лет спустя (1965) / под ред. В. Н. Елмуратского, Г. В. Осипова, В. Н. Шубкина. М.
5. См. об этом: *Кондрашин В. В.* (2013). Виктор Петрович Данилов — выдающийся исследователь аграрной истории России XX века // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ученые записки. М. С. 162–165.

му вопросу[6] — главному вопросу российской истории и социологии на все времена.

Авторы «Копанки 25 лет спустя» ударили на опережение. Они за год до публикации «нетленки» Шарапова (которая, кстати сказать, вполне заслуживает отдельного рецензирования как породившая целый жанр в отечественной историко-социологической литературе) провозгласили Д. Густи защитником «буржуазных» отношений в сельском хозяйстве. Впрочем, В. И. Староверов некоторое время спустя дал ему своего рода поблажку в оправдание: «Возглавляемый Густи институт стремился своими многочисленными исследованиями оправдать и защитить буржуазно-боярский режим[7]. Но в данном случае как честный ученый, обобщая итоги обследования села Копанки, он не смог этого сделать. В Копанке социологи обнаружили ту же нищету, то же бесправие, прозябание, деградацию людей, что и во всей Бессарабии, называвшейся в других странах „землей всех бед“. Густи и его коллеги вынуждены были констатировать, что у этого села нет будущего. И это был справедливый вывод для условий боярской Румынии. А о других условиях Д. Густи, отрицавший классовую борьбу, революцию, боялся и помыслить. Но они наступили. После возвращения Бессарабии в семью братских народов она пробудилась для новой жизни. По-новому стала жить и Копанка. Ее социальное возрождение и бурное развитие было зафиксировано результатами второго социологического обследования, проведенного в селе советскими обществоведами... в 1961–1964 гг.» (с. 208–209).

Я с большим уважением отношусь к Владимиру Ивановичу Староверову как видному представителю отечественной аграрной социологии. Такому отношению способствует и его страстная убежденность в необходимости противодействия глобализму и глобализации в современном мире[8], и факты его биографии и творческого пути (см., например, с. 111). И мне не очень понятно, зачем ему, главному автору-составителю «Копанки в измерении трех эпох», понадобилось отрицать очевидное, утверждая, что вошедшие в монографию тексты о Копанке, изданные в 1965 году и в начале 1980-х годов, написаны вовсе не в русле научного коммунизма, но чуть ли не в пику ему. Вы скажете, быть этого не может. Судите сами — цитирую: «Особо необходимо сказать о теоретико-методологической стороне монографического исследования Копанки

6. *Шарапов Г.В.* (1966). Критика антикоммунизма по аграрному вопросу. М.
7. См. подробнее: *Староверов В. И.* (1982). Бухарестская монографическая школа и социологическая система Димитрие Густи // Социологические исследования. № 1. С. 196–205.
8. См.: *Староверов В. И.* (2013). Глобализация, глобализм, антиглобализм и Россия // Системная психология и социология. № 7. http://www.systempsychology.ru/journal/2013_7/137-staroverov-vi-globalizaciya-globalizm-antiglobalizm-i-rossiya.html.

60-х гг. Его пионерная роль в возрождении отечественной социологии состояла не столько в том, что оно было одной из первых ласточек социологической весны советского обществоведения, сколько в демонстрации шаткости претензий погрязшей к 60-м годам в схоластике, догматизме и сервильности советской философии вкупе с порожденным ею научным коммунизмом, который так и не обрел качеств научной теории, хотя претендовал ни мало ни много на роль ведущего в современном советском обществоведении теоретико-методологического метода для всех прочих социально-гуманитарных дисциплин» (с. 8). Далее утверждается, что подготовленный по итогам исследования Копанки в 1961–1964 годах текст представлял собою «весомую заявку на развитие социологии в качестве науки», однако это вызвало болезненную реакцию со стороны «„гуру“ научного коммунизма», которые доминировали в руководстве советской общественной наукой. «Как следствие, научную монографию с осмыслением результатов исследования Копанки в издательстве „Наука“ заставили переделать путем „облегчения“ ее теоретико-методологических посылок в научно-популярную книгу» (с. 8).

Если это так, возникает простой и логичный вопрос: а кто мешал при подготовке нынешнего издания, вобравшего в себя тексты о Копанке трех эпох и трех поколений и школ исследователей, четко обозначить, какие итоги и выводы исследования начала 1960-х «заставили» выбросить из первоначального, «научного» текста? Причем по идее это должны были бы быть такие теоретические положения, которые находились бы в серьезном противоречии с духом и буквой научного коммунизма. Ничего подобного я в книге не нашел. Напротив, авторы настаивают на том, что в составе боярско-буржуазной Румынии копанцы были обречены на «прозябание» (с. 208, 433); за полтора года в составе СССР советская власть сумела заложить прочный фундамент индустриального преобразования Бессарабии, который за три года повторной румынской оккупации снова был разрушен (с. 434). Послевоенная коллективизация и индустриализация сельского хозяйства «не только не причинили копанцам сколько-нибудь заметных обид и притеснений, но, наоборот, обеспечили крестьянству благоприятные условия для расширенного воспроизводства сельхозпродукции и процветания их социально-экономического и культурно-духовного бытия» (с. 7). А вот развал колхоза им. В. И. Ленина обернулся в 1990–2000-е годы возвратом к дезинтеграции, экономической и духовной деградации (с. 7, 431).

Итак, с «во-вторых» разобрались, и пора переходить к «*в-третьих*», то есть к вопросу о том, с какой еще социологией встретится читатель на страницах «Копанки». Уже понятно, что это отнюдь не либерализм и не «невидимая рука рынка», которыми преисполнены сегодня наши школьные учебники по обществознанию. Так что же? Сформулировать непросто. С моей точки зрения, это ка-

кая-то очень противоречивая попытка уйти от методологии научного коммунизма как одной из версий глобальной теории прогресса, брезгливо отстраняясь при этом от той ее версии, носителями которой во второй половине 1980-х — начале 1990-х годов стали «горбачевисты» (с. 463) и профессиональные политтехнологи из Кишинева и из-за границы. «Забугорные гости» только за октябрь 1995 года нанесли в Копанку семь групповых визитов, «и вели они себя поучающе-разъяснительно, как миссионеры, несущие туземцам неведомые им ценности рыночной цивилизации, свободы и европейской демократии» (с. 463). В отличие от многих представителей российской общественной науки, привыкших к четкости догматов научного коммунизма и в результате охотно и уютно устроившихся в этой системе новых антикоммунистических догматов, социологи под руководством Староверова этого не сделали. Слишком очевидным было для исследователей Копанки в 1995 году вопиющее расхождение между такой социальной теорией и реальностью большого молдавского в недавнем прошлом колхозного села. Отметим, что историки российской деревни и исследователи ее повседневной жизни 1990-х годов, принимавшие участие в теоретическом семинаре «Современные концепции аграрного развития»[9], также весьма критически высказывались по поводу осуществлявшегося тогда аграрного реформирования (за одним любопытным исключением[10]).

Наверное, есть своя закономерность в том, что историки и социологи, специализирующиеся на изучении аграрных отношений, лучше других коллег по гуманитарному цеху видят, сколь малопригодны и даже разрушительны попытки либерально-монетаристского реформирования сельского хозяйства в странах, еще вчера по историческим меркам буквально воплощавших аграрно-крестьянскую цивилизацию. Авторы исследований Копанки в 1995 и 2010 годах фактически написали свою «критику антикоммунизма по аграрному вопросу» — жесткую и эмоциональную, ибо писалась она на материале горячих полевых исследований, когда перед глазами были реальные судьбы живых людей. Однако в отличие от одноименного издания 1966 года, автор которого мог опираться на сочинения С. П. Трапезникова и его единомышленников, в этих текстах отсутствует, что называется, позитивная программа.

И это немудрено. Научный коммунизм приказал долго жить. Да исследователи современной Копанки и сами решительно отказались от использования его в этом качестве, претендуя, как было показано выше, чуть ли не на роль его могильщика. А в итоге опубликованные в монографии материалы исследований Копанки в 1995 и 2010 годах содержат лишь констатацию весьма удручающих тенденций в эволюции постсоветской молдавской деревни — и никако-

9. См.: Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке (2015) / под ред. В. В. Бабашкина. М.
10. Там же. С. 59–60, 62.

го оптимистического социологического прогноза. Возможен ли таковой в принципе при данных обстоятельствах?

Думаю, да. Во всяком случае группе социологов, исследовавших год за годом аналогичную ситуацию в станицах Кубани, деревнях Саратовской и Архангельской губерний, это вполне удалось[11]. Видимо, тут все дело в методологии и методике исследования. В случае с изучением сельских жителей Кубани, Поволжья и Севера ученые прибегли к методу глубокого интервью — часто с одними и теми же респондентами, но в разные годы, при разных житейских обстоятельствах, тщательно отслеживая изменения с течением времени в их умонастроениях и оценочных суждениях. Здесь (а где же еще?) и обнаруживаются основания для осторожного оптимизма в социологических прогнозах.

Социологи из группы Староверова в 1995–2010 годах к подобному методу практически не прибегали, выступая в основном в роли внешних наблюдателей. Отсюда мрачноватый взгляд на вещи, облеченный в тяжеловесную наукообразную лексику. К примеру, кому-то из исследователей показалось уместным при изложении результатов наблюдений загадочное слово «аддиктивность». Скажем, на с. 508–511 текст книги буквально пестрит этой самой аддиктивностью. При этом понять из контекста, какую смысловую нагрузку несет это слово, совершенно невозможно — по крайней мере для меня. Если речь идет об аддикции, которая употребляется в значении дурного пристрастия вроде наркомании или шопоголизма (англ. — *addiction*), не очень понятно, к чему в последнее время пристрастились жители Копанки. Вообще понять фразы, в которые авторы загнали пресловутую аддиктивность или, и того похлеще, аддиктивные аберрации (с. 428), весьма затруднительно. Требуется перевод с русского на русский, который сумел бы удержать авторскую мысль, что очень непросто. Я даже выскажу в этой связи предположение, что во всех трех вышеупомянутых случаях употребления в тексте монографии слова «аддитивность», которое я в настоящей рецензии приспособил для своих целей, изначально в рукописи стояла аддиктивность. Просто редактор, не обнаружив ее в словаре, подправил слово на одну буковку, а потом, когда аддиктивность пошла массовым порядком, махнул рукой. Забавно, но, по-моему, соответствующие фразы от этого ни выиграли, ни проиграли.

И это я еще ничего не сказал о «контоминациях» (с. 110); о «глолокальности» (с. 469), которая на с. 510 превращается в «глокальность»; о «состоянии хаотических блужданий» мировоззрения копанчан, «порождающих нетерпимость поведенческих страстей»

11. Крестьянские жизненные практики (2013). Россия, 1991–2012 / В. Г. Виноградский, О. Я. Виноградская, А. М. Никулин, О. П. Фадеева. Саратов: Изд-во Сарат. ин-та РГТЭУ. Рецензию см.: *Бабашкин В. В.* (2015). Морально-аморальная экономика // Российская история. № 4.

(с. 466); о «пресловутом мультитеоретическом изучении сельской действительности» (с. 511) и т. д. и т. п. В последнем случае настораживает прилагательное «пресловутое», которое в современном русском языке имеет окраску некоторой раздраженности и неодобрения.

А вообще справедливости ради нужно сказать, что монография «Село Копанка в измерении трех эпох» очень интересна и содержательна. В ней много информации, которую стоит подвергнуть дальнейшей «мультитеоретической» обработке. Жаль только, что в издательстве «Вече» в 2014 году авторов не «*заставили*» переделать тексты части третей (с. 428–511) в научно-популярные, как это было сделано в 1965 году в издательстве «Наука».

Three epochs—three sociologies

Osipov G. V., Staroverov V. I. Selo Kopanka v izmerenii treh epoh. Issledovatel'skij proekt G. V. Osipova, V. I. Staroverova [Village Kopanka in the Dimension of Three Epochs: A Research Project]. —M.: Veche, 2014.— 544 s.

Vladimir V. Babashkin, DSc (History), professor, Chair of Political and Legal Sciences and Social Communications, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vbabashkin@ranepa.ru.

DOI: 10.22394/2500-1809-2017-2-1-131-139